

Ю р и й И л ь и н

НЕ-НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Памяти Сергея Ильина

СЛУЧАЙ НА НОВОМ АРБАТЕ

С попрошайками главное — что?
— не встречаться глазами.
а иначе в тебя,
с причитаниями и извинениями,
тут же вперится бездна
настырной «неместности».

Но на днях на Новом Арбате
я зачем-то вдруг встретил
двоих забулдыг, похоже, уже истрезвевших,
и их накормил. Коль не ввали,
это были шабашники из Беларуси.
По полсуток работали «на высоте» —
что бы это ни значило,
разругались с прорабом и остались ни с чем.

Я не Франциск, я не стану
согревать прокаженных; и нищие,
особенно те, что пытаются
уцепить за рукав, извиняясь,
вызывают лишь бешенство.

Старший из этих двоих —
рыжий, высохший, с рваной губой,
успел извиниться раз двадцать,
прежде чем попросил — не денег, еды.

Без особой охоты,
я довел их до ближних «Продуктов»,
накупил всякой снеди; отдавая пакеты,
пожелал им работу найти...

...Почему-то потом
грызло чувство, что что-то не так,
что опять напортачил, как в детстве,
когда я терял пятаки на метро
или не пересчитывал сдачу.
Дома — втык; но поди ж ты поспорь
с теми слонопотами в белых
пилотках... А впрочем, все тлен.

Не Франциск я, но почему-то подумалось,
что на страшном суде этот случай
в смягчающие мне не запишут —
слишком нехотя делал, что должен.

...Ну, а вчера мы застряли
в Подмоскowie, где без наличных
не купить ни воды, ни билета.
Три часа мы пытались найти
хоть какой банкомат. Пропахали
всю Гжель, дошли до Речиц — бесполезно.
Вернулись и склянчили триста рублей
у соседа... и вроде, ну что тут такого?
а мне было неловко.
Sapientī sat:
подзатыльники божьи
обычно намного весомей.

СПИРАЛЬ

Преуспел или нет доктор Дайвер — вопрос разночтений.
Независимо от, он в конце концов станет ненужным —

С неизбежностью, как говорят, даже боги не спорят.
Им остается всего лишь смотреть, пожимая плечами,
На скольжение по пологой спирали, туда, где
Написание книги уже не процесс — состояние;
Где ты — сумма прошлых занятий и упущенных радостей.
К положению точки без координат, к одномерной «нирване».

...В понедельник я вновь попытался заставить себя
Выйти из цикла, перекрыть алгоритмы, и снова
Толку не вышло. Опять у себя самого
Я время краду и тотчас спускаю, словно растратчик,
Сорящий казенными в ночь накануне ареста...
А знаете, доктор, мне кажется, образ Сансары
Ошибочен: не колесо, а спираль, или лучше воронка.
А в воронках нет и не может быть места для точки покоя.

В доме стремительно тают залежи кофе, и это досадно.
А хуже того, и в кошельке, и в карманах
Воцаряется пустота, да еще и такая настойчивая,
Что хоть буддийские мантры пой. Или молись
О прибавленье ума. Или хотя бы спокойствия,
Чтобы и ныне и присно, с монашьям смирением
Волочь по асфальту груженные сани... Ведь на поверку
Я не произвожу ничего, кроме скрежета.

ВЫВЕСКА

В детстве родители меня часто водили
В Консерваторию — приобщаться к прекрасному.
Я по малолетству понимал далеко не все, но,
Как правило, терпеливо высиживал два отделения
И прилежно кивал в ответ на вопрос про «понравилось».

Всякий раз, выходя на улицу, я видел через дорогу
Одну и ту же мертвенно-белую вывеску:
«Головные уборы». В восьмидесятые
Их по Москве таких были тысячи.

Парикмахерские, «Овощи-фрукты», «Хлеб», «Служба быта».
Тусклые, белые, изредка — синие, часть букв не светится.

И даже потом, когда все поменялось, когда на Тверской
Уже появились «Макдональдс» и казино,
И московская мглистая темень медленно отступала
Перед напором неоновых вязей, эта вывеска
Оставалась на месте. И, наверное, до конца девяностых
Служила источником реликтового мертво-белесого света.

Там теперь банк. И он тоже уже почти что реликт —
Тучные годы как зашли, так и вышли, и все покатилося,
Как сизифов камень, куда-то обратно во времена
Тусклых вывесок, шапок из пыжика, черно-белых «Рубинов».
Но смотришь, так все этому чуть ли ни рады — как будто
Возвращаемся к «норме», к истокам, чему-то всамделишному.

Будто бы нынешний век — случайность и выдумка:
не-настоящее время;
Разметать бы, как сор, все то, что оно с собой нанесло,
Разломать небоскребы к чертям, банки — обратно в сберкассы,
Двери в клубы бетоном залить, интернет — по спецразрешениям...
И вот, придворные чернокнижники, уже ничего не стесняясь,
Заклинают все складней и громче: «Время, назад!»

Время, время... Полтретьего ночи. Ноябрь, минус пять.
Железобетонное небо в стылых разводах. Краина, запустение.
Дом, который станет чужим через несколько месяцев...
В голове — мазутная муть; из нее то и дело всплывает,
Непонятно к чему и зачем, неотвязная фраза:
«Скоро все кончится...»

САМОЛЕТЫ

Мне часто снятся по ночам самолеты
небывалых форм и невиданных размеров.
Таким ни за что не взлететь наяву.

Но во сне, где и небо случайно,
и земля норовит свернуться, как свиток,
где знакомые здания и улицы
слишком тесно жмутся друг к другу,
невозможного вида машины
медленно, будто их держат на лесках,
ползут на малой высоте, и полет их
кажется состоянием, лишенным начала.
Но иногда они падают вниз
по неестественной траектории,
и исчезают без вспышки и грохота,
оставляя лишь замешательство
и бесформенный страх.